

Идейно-художественное своеобразие романа М. Г. Чиркова «Возвращение Христа»

В. В. Двоглазов

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: Vladimir6798@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена творчеству вятского писателя М. Г. Чиркова. Из всей творческой системы художника в качестве объекта исследования избран роман «Возвращение Христа». Это произведение признается критикой как этапное, говорящее о творческой зрелости его создателя. Цель нашей работы – обнаружить специфику художественного содержания романа и образной формы его воплощения. Внимание обращено прежде всего на сюжетно-композиционную организацию, характеры главных героев, создаваемые ситуации, авторскую концепцию «жизни». Анализ текста романа, выполненный с опорой на высказывания самого писателя, литературную критику, доказывает ориентированность сюжетно-композиционной организации, образной системы на логику характеров, специфику раскрытия авторской этико-философской позиции во взгляде на человека и мир. Каждый из центральных персонажей трехчастного романа – представитель определенной социальной группы, имеющий свою аксиологическую установку. Несомненной общечеловеческой ценностью признается душа человека. Именно она позволяет оценить различные типы отношений между людьми, преодолеть давление жизненными обстоятельствами, обратиться к смысложизненным вопросам и приблизить человека к истине.

Ключевые слова: литература Кировской области, творчество М. Г. Чиркова, мировоззрение автора, система образов, этико-философская проблематика.

В своих работах, посвященных изучению культуры, Д. С. Лихачёв отмечал тесную связь между природой и человеком, каким-либо географическим местом и его творческим преображением или воплощением в искусстве. Связь эта обусловлена необходимой встречей двух указанных культур «на своеобразных нравственных основаниях», обусловленных единым содержанием жизни [4]. Указанные наблюдения известного ученого применяются литературоведами при обосновании исследования специфики краеведческого материала, который при аналитическом рассмотрении вносит свой вклад в познание всеобщего. Так, с опорой на литературно-критические и литературоведческие материалы, касающиеся преломления местного материала в творчестве А. Н. Толстого, самарский исследователь Л. А. Соловьева подчеркивает: «Местное и российское, общечеловеческое в классических произведениях нашей художественной литературы не противостоят друг другу, но всегда находятся в состоянии взаимопроникновения, составляют гармоничное целое, ведут к одной цели – воплощению огромной по своей масштабности проблематики в образах живых и конкретных» [9].

В последнее время мысль о связи художественного слова с «почвой», традиционной народной культурой (особенно ее нравственным, этико-философским содержанием) заметно активизировалась. Так, в филологических работах Ю. В. Лебедева, И. А. Есаулова, В. Н. Захарова, Т. А. Кошемчук и представителей «религиозного литературоведения» подчеркивается: глубинной основой бытия «родной страны», определяющей специфику «русского духа», менталитета, является христианство, православная вера.

Имплицитный христоцентризм – исследуемый сейчас содержательный признак русской художественной словесности. Он отличается авторским ориентиром в образности на совершенный лик Христа, святых и праведных, содержательным исканием и воплощением высшей истины [2]. Потому определяющий пафос отечественной литературы «нравственно-общественный», «религиозно-философский», связанный с художественным познанием этико-онтологических основ жизни с целью утверждения их для справедливого жизнеустройства личного и общественного. М. Е. Салтыков-Щедрин, автор «Губернских очерков», раскрывая пафос своей книги, утверждает: «Много есть путей служить общему делу; но смею думать, что обнаружение зла, лжи и порока также не бесполезно, тем более что предполагает полное сочувствие к добру и истине» [6]. Несомненно, классик, излагая такую мысль, пластично преобра-

жая материал впечатлений от вятской ссылки, выразил и суть своего творчества, и сущность единства русской литературы.

«Сочувствием к добру и истине» наполнено и творчество М. Г. Чиркова. Он известен сейчас вятскому читателю, прежде всего, как автор книг для детей: «На улице сказок», «Таинственные шары», «Голубые жемчужины», «Вдоль по Вятке на лошадке». Поэт Н. Пересторонин в своей критической работе [5] отметил, что «именно этот монолог, обращенный по преимуществу к семье, к юному и взрослому ее населению», волнует писателя не случайно: во всяком «сказочном звоне» – «намек не намек», «а дельное замечание» на то, «что и ребенку не лишнее, а взрослому и подавно»; во всякой «сказочной книжке» Чиркова – обращение к «удивительному существу» – человеку и его способностям воспринимать мир, объяснять устройство окружающей действительности, организовывать отношения с другими людьми. В конечном счете автор ищет «тропинку к истине» через наблюдение за человеческой душой. На наш взгляд, эта «чреватость» выхода на серьезный разговор в детской книге, потенциальная возможность видеть в сказочном сюжете типологическое обобщение антропологической (и, по всей вероятности, онтологической) тематики и проблематики присущи стилю М. Г. Чиркова-писателя, обусловлены особенностями мировидения художника.

Высказывания критиков [3, 10], слова самого художника (отраженные в местной периодике [12, 13]) убеждают, что первой книгой, которая относится к периоду «серьезных занятий литературным творчеством», включает в себя творения, «ставшие своеобразным итогом 10-летней литературной деятельности» автора и явившие «первые осмысления жизни и попытки облечь в литературную форму вечные ответы и вопросы о смысле жизни» [10], стал сборник прозы «Возвращение Христа» (1995). Название образовано от заглавия центрального произведения (романа), включенного в сборник. Примечательно, на наш взгляд, что этот роман и в настоящее время не обойден вниманием: в 2011 году создана аудиоверсия произведения.

В. А. Ситников, ознакомившись с произведением М. Г. Чиркова ещё в рукописи, заметил: роман «Возвращение Христа» – творческое осмысление «переломного времени начала перестройки» [7, с. 3]. Для изображения автор выбирает это время, по всей видимости, не случайно. Как и для любого отзывчивого художника, период отмечен прежде всего личным переживанием. Это сказалось в формировании общей литературно-содержательной основы крупной эпической формы: «Неприятности с реальностью и разлад с душой рельефно обозначились в 80-х годах, когда он, специалист, производственник, увидел, что на смену дисциплине идет произвол власть предержащих. На всех уровнях. Приписки, злоупотребления и как следствие – коррозия людских душ. И уж потом круговая порука всеобщей необязательности», – говорит Л. Смирнова об историческом контексте произведения [8]. Переживание объективно вызвано наблюдением за действительностью, имеющей переходный характер, вновь открывающей человеческую натуру в ее взаимодействии с жизнью. Таково вполне традиционное романное решение в русской литературе.

Своеобразно приоткрыть специфику художественного осмысления указанного взаимодействия художник решает путем отталкивания от самой действительности, ее запечатления через биографические факты. Для этого в качестве предисловия вводится попытка дневника, состоящего из записей разрозненных и одновременно имеющих основную ноту в осмыслении происходящего. Приметы времени бытового (местами – технического) характера перемежаются с личностными, психологически окрашенными оценками: появление в Кирове («Вятке») с целью обретения «двухтомника Библии» в 1987 г. – встреча с очередью за мясными болгарскими консервами, получение «ненормальной» оценки за поднятие хлеба с земли – человеческий проникновенный диалог с «сердобольной старушкой». Формой повествования, спецификой изображения рассказчик и окружающий мир изначально представлены существующими параллельно: «...я начал писать роман “Возвращение Христа”. Я бесцельно иду или еду, я живу в “другом измерении”. В этой жизни делаю какие-то автоматические движения, а все сознание там – в романе.

Сажусь в автобус, еду по 23-му маршруту на другой конец города. Захожу в новый фирменный магазин “Антей”. Зачем? В прошлый раз здесь мне повезло – купил тестю комплект свечей для его “жигулей”» [11, с. 9]. Однако изображение двух измерений (внешнего, объективного и внутреннего, субъективного) в конечном счете завершается формированием атмосферы единого мира, где рельефное, детальное, внешнее сопряжено с душевным, внутренним. И это сопряжение – в человеке, в его способности отзываться сердцем, нравственным созна-

нием на события мира: «Недавно в теленовостях сообщили, что где-то в Ивановской области голодают дети, едят комбикорм, предназначенный для скота...

Наверное, все-таки я зря не веду дневник» [11, с. 9].

Через личное, имеющее черты исповедального, задушевного, отчетливо заявляет о себе желание автора высказаться о человеческом общежитии, складывающемся из бытия каждой отдельной личности, участвующей в жизненном потоке. Потенциально об этом – «дневниковое» предисловие произведения, раскрывающего «документальный» материал романа взаимодействующим с содержательным, общечеловеческим началом, философским. Потому жизнь человеческой души оказывается под внимательным наблюдением.

У каждого в семье Сизовых – центральном собирательном образе романа – свое непростое прошлое, своя невысказанная боль и свое желание настоящего. При этом герои раскрывают свои основные аксиологические установки во взаимодействии с жизнью, разными ее участниками и представителями 80-х гг. ушедшего столетия. Отсюда – рассмотрение душевного состояния, его воплощения в поступках, формах сознания, общения с миром как непреходящей категорией. Все это составляет внутреннее содержание произведения.

Аркадий Сизов – главный герой первой части романа, а в контексте произведения – отправной, начальный характер во всей персонажной системе. Образ его создается двумя способами – личностным, индивидуальным и обобщающе-советским, путем «затасканных эпитетов»: «...хороший, знающий, добросовестный работник, хороший семьянин, хороший товарищ и сам пользуется уважением среди товарищей. Активно участвует в общественной жизни цеха и завода, является наставником молодежи, рационализатором и новатором производства. Морально и политически устойчив, занимаемой должности технолога механического цеха соответствует» [11, с. 14]. Прибегая к элементам комического, автор парадоксально замечает, что «производственная характеристика» советского труженика вполне «соответствовала действительности». Обобщающее сливается с индивидуальным, значимым в герое и существует нераздельно: искренность, честность, ответственность, способность дарить покой, тепло, заботу – свойства и Сизова-самоценной душевной личности, выстрадавшей эти качества, и Сизова-советского человека. Это поистине «редкий счастливый случай». Однако соотношение человеческого и регламентированного, системно-организационного в герое и во внешнем мире становится областью наблюдения автора. Счастливое совпадение, цельность при возникновении ситуации выгоды, использования человека оказываются разрушенными в момент осознания героем разлада в мире, частью которого он считал себя: «Перед кем я изливал душу? Какой стыд! Зачем я вообще подал заявление о вступлении в партию? Чтобы надо мной стоял ещё один начальник? <...> Какой тут коммунизм, скоро социализм-то весь проедем!» [11, с. 37]. Атмосфера общественных нагрузок, становящаяся причиной семейных разногласий и неурядиц, умноженная на манипулирование и личную боль, принесенную ещё из детства, вызывают в герое ощущение давления жизнью, реакцию отстранения от нее, неучастия в ней: «Как тяжело на душе... Лучше бы не родиться вообще, чем такая жизнь» [11, с. 34].

Герой, родившийся в обстановке драматичной семейной жизни (отец выпивал и унижал семью, мать терпеливо все сносила), однажды замечает, что убил бы отца, если тот будет продолжать оскорбления; жена Аркадия, Валентина, потеряла всю семью от несчастного случая. Однако сюжет развивается своеобразно: после все же свершившегося спустя много лет убийства (по причине оскорбления, унижения матери, которого она не вытерпела), Аркадий Сизов, уважаемый рабочими завода, имеющий репутацию безотказного, честного, трезвого человека, оказывается сам жертвой малолетнего убийцы – сына следователя. Смерть Сизова – наказание, данное в психологизированном повествовании, которое отмечено пафосом личного переживания причинно-следственных отношений в жизни, где отправная точка – неправда и несправедливость, исходящие от вины и действующего в жизни зла (поведение отца, личная воля Сизова-сына): «Меня обманули! Кошка не могла съесть своих котят, их, наверное, отец просто утопил! <...> Что со мной? Это, наверное, от переутомления или от духоты... Значит, меня обманули. Меня обманули, а я всю жизнь ненавижу кошек... А какое право я имею судить людей? Скольких людей за свою жизнь обидел неприязнью только из-за того, что судил о них по высказываниям сослуживцев, жены... и даже случайных людей!? Несчастливая кошка, почему она вспомнилась именно сейчас? Я ее, наверное, все-таки убил. Я – убийца!» [11, с. 33]; «Почему она на меня так смотрит? Значит, я ее все-таки убил!.. Но это же не кошка... это отец... Господи, что я натворил, что я наделал?!» [11, с. 78]. Эпизод с кошкой, убитой героем в детстве, обращает читателя к поднимающимся в этически взволнованные моменты жизни чувствам

вины и жалости, сострадания. Эти чувства роднят людей, вызваны неугасимым нравственным сознанием. Появляется ощущение жизни души и как следствие – высшей необходимости жизни – единящей любви. В романе в момент осознания героем убийства автор изображает, как высшее начало борется с «властным, инстинктивным» началом, обусловленным несправедливостью мира. Но именно оно, «чужое», все-таки берет верх. Потому в поступке героя заключено падение, разрушение нравственной природы.

Одновременно гибель Аркадия Сизова становится фактическим доказательством действия разрушительной внешней силы, идущей от эгоистической воли, личной безответственности «власть предержащих», обрушившихся на рефлектирующий, взыскующий лучшей жизни и мятущийся под влиянием чувства вины характер, не нашедший искреннего сочувствия, понимания, сострадания. Здесь, в психологическом заострении социально-философской проблематики – начало нового судьбоносного витка жизни, куда вовлеченным оказывается сын Аркадия – Эдик – герой второй части романа.

Характер Эдика Сизова – следующий этап в обрисовке процесса «коррозии души». Герой отличается принципиальной наблюдательностью за действительностью. Из этих наблюдений делаются практические замечания: «Отец, – ну не дурак, что ли? – с его-то умом и опытом давно бы можно какой-нибудь кооператив открыть, деньги лопатой грести. И я бы школу бросил, помогал бы ему деньги огребать. <...> Я им покажу, как жить надо! Я за такие копейки, как отец с матерью, вкалывать не буду. Работают, работают, десять лет на машину копят, а накопить не могут» [11, с. 89]. Подобные наблюдения, несомненно, объясняются и особенностями определенного этапа развития человека. Однако в художественном решении они имеют значение особого принципиального отношения к миру, покоящегося на установлении первичной ценности внешней материалистической стороны. Воспитанный в интеллигентной семье разуверяется в справедливости жизни, лучших ее свойствах, связанных с человеком («честь, долг, совесть! Кому нужны эти сказки для взрослых?»). Отторгающий смирение, честность, безотказность, личное переживание дела и чужой человеческой судьбы, посредственное существование, Эдик формирует правила существования в окружающей действительности (поступая прямо противоположно тому, как жил отец, чтобы не стать «таким же», с такой же судьбой несчастного, бедного, всему подчиняющегося): «Выскочив из кабинета следователя, он пошел домой и, сам того не замечая, на ходу пересмотрел все моральные принципы, которыми до сих пор руководствовался в жизни. Решил: никому, ни в чем не верить – первое, самое главное правило; второе: отныне жить только для удовлетворения собственных интересов и желаний; третье: все, чему учил его отец, делать наоборот, чтобы не оказаться в таких же дураках, как он» [11, с. 128]. Соответствие этим правилам выводит героя к мети, разрыву с семьей, желанию славы, богатства и к «глупой (потому что корыстной) мечте совершить подвиг на чужой земле ради ордена и прилагающихся к нему льгот». Парадоксально средством достижения обязательной славы, «ордена», богатства видится герою-призывнику служба в Афганистане. Аморальное, извращенное отношение к войне как способу потребления, изменения личной судьбы прямо оценивается автором, а также показывается через отношение замполита к подобной «службе»: «Три месяца назад на этого Сизова были одни жалобы, что дерзит, неуправляем, а сейчас вон – красавчик. Все с иголочки, все по уставу. А в голове-то у него что? <...> Марионетка... или действительно талантливый солдат?» [11, с. 164] Заметно, что действия, мысли молодого скептика и циника, наделенного «юношеским чувством “бессмертия”» – напускное, вновь «чужое», приобретенное под влиянием убежденности в силе обстоятельств, видимой стороны жизни. Развивая сюжетную линию последовательно, в соответствии с логикой характера, автор приводит героя к столкновению с реальностью условий осуществления желания, мечты в их неприкрытом, настоящем виде – виде смерти. Осознание конечности жизни через наблюдение чужой солдатской гибели, переживание смерти как возможного личного раннего исхода отрезвляет юношу, заставляет обратиться к непреходящим ценностям жизни, к поиску защиты у высших сил: «От одной только мысли, что в любой момент из-за любой глыбы может выскочить душман с гранатометом и нажать на спусковой крючок...

От постоянного напряжения слезились глаза, ныла спина, одеревенели руки и ноги. Несчастный мальчишка от нехорошего предчувствия начал молиться: “Только бы не меня, только бы не в меня! Боже, если ты есть, пронеси мимо”» [11, с. 167].

Мотив смерти присущ роману. Реализованный в «детективной» форме сюжета, он становится и смыслопорождающим, значимым в идейном решении. Герои первых двух частей

перед смертью прозревают иную реальность, душевно соприкасаются с ней, с ее творцом – Богом. Прижизненное Его ощущение, осознание образуется в катастрофический, экзистенциальный момент. Автор изображает это погружение в большей мере во время внутреннего волнения, обусловленного действием нравственного чувства, способностью видеть всю жизнь, ее ценности в свете конца. Формой другого прозрения «тонких миров» является несуетное, сопричастное течению жизни обращение к вечным вопросам.

В этом отношении важнейшими становятся женские характеры. Среди них выделяются образы Валентины Сизовой и бабушки Ньюры. Сам автор заметил, что роман «как раз о том, как из-за стечения обстоятельств была сломана судьба казалось бы благополучной семьи» [13, с. 2]. Но линии жизни жены Сизова, бабушки Ньюры говорят о таких людях, которые могут противостоять стихийным силам действительности, влияющим на человека, на судьбу через сложную душевную организацию. И в этом – ключ к интерпретации названия романа, выход к авторской идее и мировоззрению писателя.

В какой-то мере повествование о людях, достигающих истины, – несколько иной стилевой пласт произведения. Он согрет авторской симпатией, разработан через ситуации общения, раскрывающие психологическое содержание персонажей, детализирован. Так, после семейных ссор и дразг, обусловленных давлением быта, выбором между личным и общественным, автор деликатно, с нежным чувством подчеркивает силу примирения между мужем и женой Сизовыми: «Дай-ка я поцелую тебя на прощанье, а то уйдешь к другой жене от такой сварливой бабы, как я. – И они примирительно улынулись» [11, с. 32]; «Этот тихий разговор перешел во взаимные признания и ласки. Они уже давно не были так счастливы в объятиях друг друга» [11, с. 69]. Валентина Сизова изображена в традициях русской классики, умноженных на исторические обстоятельства. Поэтому ее значение как русской женщины, жены, матери в романе особо. Оставшаяся с детства сиротой, она становится опорой, поддержкой, частью семейного счастья Аркадия. Особенно это выделяется на фоне лично несчастной семьи Сизовых-старших. Однако автором замечено, что обретенный «желанный покой» вырастает на почве «благодарности и симпатии», привязанности, «которую, пожалуй, можно было назвать любовью». Любовь-сострадание, сочувствие, привязанность и олицетворял «тихоня». Эту жизненную необходимость заметила бабушка Ньюра.

Ее образ в романе дан наиболее полно в третьей части, и с определенных моментов он становится ключевым, расширяет содержание романа своим религиозно-философским наполнением. Важнейшие моменты начала раскрытия характера – попытка семьи Сизовых начать новую жизнь и болезнь Валентины. Два этих момента связаны в сюжетном решении: при создании возможности соединения людей, в прошлом испытывавших симпатию друг к другу, автор замечает, что необходимо исцеление для формирования новой жизни, имеющей материальное и душевно-духовное составляющие. Потому так специфично изображено врачевание: в отделении больницы с болью, страданием по молитве исходит душевное горе героини. Не случайно исцеляет Валентину обладающая народной христианской верой бабушка. Она же предстает и в общении с Виктором, бывшим школьным гением, «золотым» медалистом, наделенным талантом ума. Создавая этот момент, писатель сталкивает ум, логику и веру, душу с целью объяснения сущности жизни.

Являясь «проводником» между Богом и душой человеческой, бабушка Ньюра предстает в произведении сложносоставленным характером: с одной стороны, исторически и психологически достоверно (думается, в русле «деревенской прозы») составлены все формы воспоминаний героини, ее жизнь. И в то же время речь бабушки Ньюры «сильно сдобрена философскими добавками» [8], которые образ абстрагируют, поднимают над реальностью и реалистичностью, делают рупором авторских мыслей. Сам автор заметил: «У нас все выясняют, что было первично: материя или дух. А я убежден, что эти два понятия невозможно разделить. Надо подняться немножко выше разделения и не разделять. И тогда все встанет на свои места. Тогда не будет ни материалистов, ни идеалистов, а просто будут люди, в которых есть душа». Героиня – человек с душой, ощущающей свой исток, ищущей его. Но, ощущая Бога, понимая его как высшую ценность жизни, ее руководящую силу, оказывается далека от сугубо «умозрительного» и догматического, богословского понимания Абсолюта. Все замечания и обращения к человеку науки, Виктору, вырастают из опыта осмысления жизни в свете понятия о душе: «Разе человек может сознанием-то понять, когда ему конец назначен? А душа-то чувствует. Истинно так, на то она и душа: почуяла, что пора с телом расставаться, Господь призывает, забеспокоилась, знает, что грех на ней – измена родной жене, – вот и просит покаяния»

[11, с. 210]; «Повенчаны мы с им были, хоть скрытно, да обвенчались, спасибо свекрови, царствие ей небесное, надоумила. Души наши соединены на веки веков во время венчанья-то. Слились воедино. Его душа собралась из убитого тела на небо вознестися, а у меня сердце из груди – вон, рвется, беду чувствует» [11, с. 214].

Таким образом, третья часть романа – о невидимых нерушимых основах мира, душевном согласии, даруемом памятью о Боге, о Христе. Поэтому не случайно оптимистический настрой участвует в композиции текста (повествование открывается событиями из жизни бабушки Нюры, образом ребенка). Обрамляющее настроение согрето молитвой и образом «праведницы». Однако мир романа не минуют жизненные, бытовые волнения: «Утихли страсти, улеглась молва, а бабушка Нюра, древняя старушка, нет-нет да и вздохнет:

– Ох и жалко Сизовых-то. Помолюсь-ка я ешо, пока дитятко угомонилося. Бог милостив, авось, простит души их грешные, примет в Царствие Небесное.

С трудом поднявшись с табуретки, идет в красный угол избы. Опираясь на лавку, опускается на колени перед потемневшей за века иконой Божьей Матери» [11, с. 11–12]. Указанием на волю Божию как неизменное начало жизни автор обращается к смирению как состоянию, определяющему судьбоносное движение, преодолевающему давление и тяготы действительности, грань между материалистическим и идеалистическим, связывающему земное и небесное. Потому по прочтении, «несмотря на горести и беды, что выпали на долю Сизова, в добро как-то верить не перестаешь, а наоборот» [1].

Список литературы

1. *Добрая книга* // Вятская речь. 1995. № 2 (ноябрь). С. 1.
2. *Есаулов И. А. Духовная традиция в русской литературе* // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стлб. 254–255.
3. *Золотарев В.* Вышла в свет новая книга М. Чиркова («Возвращение Христа») // Нива. Зуевка, 1995. 18 апр. С. 2.
4. *Лихачев Д. С.* Письма о добром и прекрасном. М., 1989. С. 150–151.
5. *Пересторонин Н.* Сказания о вятской душе // Вятский край. 1992. 8 дек. С. 6.
6. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений : в 20 т. Т. 2. М., 1965–1977. С. 14.
7. *Ситников В. А.* Напутствие // Чирков М. Г. Таинственные шары. Киров, 1992. С. 3–4.
8. *Смирнова Л.* В душе идет работа: писатель из Зуевки М. Чирков // Нива. Зуевка, 1995. 6 июня. С. 4.
9. *Соловьева Л. А.* Литературное краеведение. Самара, 1994. С. 6.
10. *Сухотина С.* Михайлов день // Нива. Зуевка, 2011. 6 янв. С. 7.
11. *Чирков М. Г.* Возвращение Христа. Киров, 1995. В тексте работы роман цитируется по этому изданию с указанием страницы в скобках.
12. *Чирков М. Г.* «Я писал для простых людей» // Наш вариант. 1995. 21–27 апр. С. 5.
13. *Чирков М. Г.* «Я пишу для того, чтобы у кого-то стало светлее на душе» // Нива. Зуевка, 1993. 16 февр. С. 1–2.

Ideological and artistic originality of M. G. Chirkov's novel «The Return of Christ»

V. V. Dvoeglazov

PhD of philological sciences, senior lecturer of the Department of Russian and foreign literature and teaching methods, Vyatka State University. Russia, Киров.
E-mail: Vladimir6798@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the works of Vyatka writer M. G. Chirkov. Novel «The Return of Christ» is object of research. It is chosen from the whole works system of writer. This work is recognized by critics as a milestone, talking about the creative maturity of its author. The aim of our work is to find out the specifics of the artistic content of the novel and the figurative form of its embodiment. Attention is drawn to the plot and composition organization, the characters of the main heroes, the created situation, the author's conception of «life». The analysis of novel's text based on the statements of the writer, literary criticism proves the orientation of the plot-compositional organization, image system on the logic of characters, the specifics of the disclosure of the author's ethical and philosophical position in the view of man and the world. Each of the central heroes of the three-part novel is a representative of a certain social group, having a certain axiological setting. The human soul is recognized as the highest universal value. It allows you to assess the different types of relationships between people, overcome the pressure of life circumstances, to turn to the meaning of life issues and bring people closer to the truth.

Keywords: literature of the Kirov region, M. G. Chirkov's, the author's worldview, the system of images, ethical and philosophical problems.

References

1. *Dobraya kniga* – Good book // *Vyatskaya rech'*– Vyatka speech. 1995, № 2 (November), p. 1.
2. *Esaulov I. A. Duhovnaya tradiciya v russkoj literature* [Spiritual tradition In Russian literature] // *Literaturnaya ehnciklopediya terminov i ponyatij*– Literary encyclopedia of terms and concepts. M. 2001. Column 254–255.
3. *Zolotarev V. Vyshla v svet novaya kniga M. CHirkova («Vozvrashchenie Hrista»)* [A new book by M. Chirkov («Return of Christ») was published] // *Niva – Niva*. Zuevka. 1995, 18 Apr. P. 2.
4. *Lihachev D. S. Pis'ma o dobrom i prekrasnom* [Letters about the good and the beautiful]. M. 1989. Pp. 150–151.
5. *Perestoronin N. Skazaniya o vyatskoj dushe* [Tales of Vyatka soul] // *Vyatskij kraj – Vyatka Krai*. 1992, Dec 8, P. 6.
6. *Saltykov-SHCHedrin M. E. Sobranie sochinenij: v 20 t.* [Collected works: in 20 vol.] Vol. 2. M. 1965–1977. P. 14.
7. *Sitnikov V. A. Naputstvie* [Parting words] // *CHirkov M. G. Tainstvennye shary* [Mysterious balls]. Kirov. 1992. Pp. 3–4.
8. *Smirnova L. V dushe idet rabota: pisatel' iz Zuevki M. CHirkov* [In the soul there is the work: the writer from Zuevka M. Chirkov] // *Niva – Niva*. Zuevka. 1995. June 6. P. 4.
9. *Solov'eva L. A. Literaturnoe kraevedenie* [Literary local lore]. Samara. 1994. P. 6.
10. *Suhotina S. Mihajlov den'* [Mikhailov day] // *Niva – Niva*. Zuevka. 2011. Jan 6. P. 7.
11. *CHirkov M. G. Vozvrashchenie Hrista* [The Return of Christ]. Kirov. 1995. The text of the work cites the novel in this edition with the page in brackets.
12. *CHirkov M. G. «YA pisal dlya prostyh lyudej»* [«I wrote for ordinary people»] // *Nash variant – Our version*. 1995, 21–27 Apr., p. 5.
13. *CHirkov M. G. «YA pishu dlya togo, chtoby u kogo-to stalo svetlee na dushe»* [«I write in order for someone to become lighter in the soul»] // *Niva – Niva*. Zuevka. 1993. February 16. Pp. 1–2.